

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Б.В. Титлинов

**Правительство императрицы
Анны Иоановны в его отношениях
к делам православной Церкви**

Опубликовано:
Христианское чтение. 1905. № 11. С. 635-643.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Правительство императрицы Анны Иоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ православной Церкви.

Рѣчь предъ защитой диссертациі, произнесенная въ актовомъ залѣ
С.-Петербургской духовной академіи 2 октября 1905 года.

КОГДА авторъ предлагаемаго нынѣ на ученый судъ изслѣдованія приступалъ къ своему труду, то подлежащая его изученію историческая эпоха представлялась ему сама въ себѣ находящей объясненіе, цѣльной и законченной. То, что составляло исключительный характеръ изучаемаго времени, казалось, имѣло свое основаніе въ исключительныхъ условіяхъ послѣдняго, и, стало быть, вопросъ ограничивался узкими хронологическими рамками. Но по мѣрѣ хода работы все болѣе очевидной становилась та истина, что всѣ звенья исторіи связаны между собою прочнымъ цементомъ внутренней причинности, что ничто въ историческомъ ходѣ вещей не стоитъ одиноко, а все коренится въ прошломъ, изъ него рождается. Не сцѣпленіе случайныхъ обстоятельствъ создаетъ тотъ или другой историческій моментъ, а болѣе общіе и глубокіе факторы готовятъ почву для дѣйствія причинъ, къ которымъ примѣнимъ эпитетъ случайнаго. Въ этихъ факторахъ главнымъ образомъ и надо искать ключъ къ объясненію историческихъ событій.

Царствованіе императрицы Анны Иоанновны занимаетъ хронологически небольшое мѣсто въ исторіи русской церкви и русскаго государства. Но въ разсматриваемомъ нами отношеніи оно представляетъ именно одну изъ такихъ эпохъ, которыя кажутся созданіемъ случайныхъ обстоятельствъ, въ дѣй-

ствительности же рождаются изъ общихъ условій жизни и какъ нельзя болѣе рельефно отдѣняютъ ихъ.

И мрачную и возбуждающую недоумѣніе картину представляетъ собою аннинское время. Тронъ занимаетъ государыня, извѣстная своимъ благочестіемъ и добротою. Ее окружаютъ министры-иностранцы, люди не русской крови и вѣры, но относящіеся къ православію съ надлежащимъ уваженіемъ. Дѣти просвѣщеннаго запада, они проникнуты самыми лучшими намѣреніями: поднять духовенство, искоренить злоупотребленія въ церкви, просвѣтить пастырей, и чрезъ нихъ—паству. Казалось бы—на лицо всѣ условія, необходимыя для обезпеченія церковнаго благосостоянія и нормальнаго развитія церковно-государственныхъ отношеній. На дѣлѣ же мы видимъ другое. Церковная политика правительства вносить не устроеніе, а разстройство въ церковную жизнь, нарушаетъ ея естественное теченіе и лишь въ единичныхъ случаяхъ приводитъ къ положительнымъ результатамъ.

Первымъ словомъ царствованія императрицы Анны по отношенію къ Церкви было провозглашеніе заботливости о церковномъ благѣ, и первымъ дѣломъ—проектъ упорядоченія церковнаго управленія. Но въ памяти исторія оно оставило отнюдь не эти свѣтлыя воспоминанія. Высшая духовная власть была не укрѣплена, а разшатана. Церковное представительство въ лицѣ Св. Синода вмѣсто лучшаго устройства претерпѣвало униженія, ему совсѣмъ неприличныя, будучи лишено и виѣшной и внутренней независимости. Сведенное на роль бюрократическаго органа администраціи, чрезъ подчиненіе императорскому Кабинету, оно перестало быть даже учрежденіемъ высшаго порядка, а превратилось въ нѣчто вродѣ департамента духовныхъ дѣлъ при Кабинетѣ министровъ. Недовѣріе правительства, при этомъ, отнимало у Синода и то значеніе, которое онъ долженъ бы былъ имѣть даже при своемъ подчиненномъ положеніи. Если каждое министерство въ наше время обыкновенно внимательно прислушивается къ голосу своихъ ближайшихъ вспомогательныхъ органовъ, то этого не было со стороны Кабинета императрицы Анны по отношенію къ синодальному управленію. Въ самыхъ жизненныхъ для Церкви вопросахъ нерѣдко тщетно заявляли свое мнѣніе представители церковныхъ интересовъ; да, съ теченіемъ времени, и самая возможность подобныхъ заявленій парализовалась строгимъ режимомъ правительственной политики. Такимъ обра-

зомъ, правительство само управляло духовнымъ вѣдомствомъ, оставивъ Синоду одну исполнительную власть, за собою же обезпечивъ всю законодательную инициативу.

Но казалось бы, что отсюда, по крайней мѣрѣ, открывался полный просторъ для осуществленія тѣхъ благихъ намѣреній, какими одушевлены были государственные люди того времени. Однако, что же сдѣлало въ этомъ направленіи правительство императрицы? Оно заявило себя рядомъ мѣръ или прямо вредныхъ, или неудачныхъ. Расположенное къ подозрительности, вслѣдствіе своего положенія, правительство начало съ того, что сверху до низу всю церковную іерархію заподозрило въ политической неблагонадежности и жестокими репрессаліями принялось искоренять крамолу. Сомнѣваясь въ искренней преданности престолу епископовъ, извѣстныхъ своимъ консервативнымъ направленіемъ, оно обратило ихъ жизнь въ непрерывное безпокойство за свою участь. Въ неприсяганіи дѣтей духовенства оно увидѣло вопіющее политическое преступленіе и навсегда лишило своего довѣрія пастырей. Монахи почти сплошь были признаны тайными возмутителями за свое нечувствіе петровскимъ преобразованіемъ и церковно-имущественной политикѣ государственной власти. Длинная вереница жестоко и часто невинно осужденныхъ архіереевъ, священно-церковно-служителей и монашествующихъ печальною тѣнью проходить чрезъ царствованіе государыни, сопровождаемая призраками кровавыхъ пытокъ и мучительства.—Уже подобныя отношенія не могли способствовать подъему духовенства, а могли лишь принижать и личность пастырей и ихъ священный санъ въ глазахъ общества и народа. Общія законодательныя мѣры довершали разрушительное дѣло. Свои задачи по упорядоченію церковной жизни правительство 30-хъ годовъ XVIII в. понимало весьма упрощенно: главной миссіей своей оно считало искорененіе тунеядства въ духовенствѣ, дабы не было ущерба пользѣ государственной. Разборы духовнаго сословія и стѣснительные узаконенія относительно монашества должны были очистить ряды бѣлаго и чернаго духовенства отъ людей праздныхъ и лѣнивыхъ. Спекуляризація церковныхъ имѣній отнимала самую возможность праздности у обитателей монастырей. Результатомъ всего этого явилось заустѣніе нѣсколькихъ сотъ церквей, вслѣдствіе незамѣщенія 9000 приходскихъ вакансій, невозможность удовлетворенія религіозныхъ нуждъ народа, оскудѣніе монашества до опасности уничтоже-

нія монастырской жизни, и задержка роста просвѣтительнаго дѣла. Между тѣмъ интересы духовнаго просвѣщенія тщательно оберегало правительство въ своихъ указахъ. Оно замышляло высоко поднять духовную школу, дать ей прочную организацію, введя повсемѣстно семинарское обученіе. Но хотя школьное дѣло и стало расти, благодаря усиліямъ епархіальныхъ дѣятелей, само правительство не оказало ему ровно никакой помощи, которая была въ его средствахъ.

Изучая подобное положеніе церковныхъ дѣлъ въ анципское время, всматриваясь въ печальные результаты политической программы, руководящейся лучшими намѣреніями, изслѣдователь, конечно, стремится найти причины такого порядка вещей. Очевидная ненормальность положенія Церкви невольно порождаетъ мысль о ненормальныхъ условіяхъ, въ которыя Церковь была поставлена. Но были ли эти условія временныя и случайныя, или болѣе постоянныя и общія? Въ отношеніи царствованія императрицы Анны вопросъ этотъ имѣетъ особое значеніе. Оно извѣстно въ исторіи, какъ время господства въ администраціи нѣмцевъ-иновѣрцевъ, связано съ воспоминаніемъ жестокаго фавора Бирона, опаль и казней. Не эти ли обстоятельства опредѣляли и ходъ церковно-государственныхъ отношеній въ годы нѣмецкаго правленія? Мысль естественная, особенно если придавать побольше значенія роли личности въ исторіи. Однако пристальное изслѣдованіе фактовъ открываетъ и здѣсь, какъ вездѣ, въ ткани историческихъ событій болѣе глубокую подкладку, заставляя искать въ прошломъ объясненія настоящаго.

Церковная политика правительства имп. Анны и опредѣляемое ею теченіе жизни Церкви сложились и развивались всецѣло на почвѣ исторически выработавшихся церковно-государственныхъ отношеній и особенно петровской церковной реформы. Отъ послѣдней ближайшимъ путемъ ведутъ начало и политическіе принципы, руководившіе тогдашнимъ правительствомъ, и способъ ихъ примѣненія на практикѣ. Со времени петровской реформы русская Церковь окончательно заняла подчиненное положеніе въ государствѣ не только *de facto*, но и *de jure*. Управление церковное сдѣлалось просто отраслью государственнаго и нити его сосредоточились въ рукахъ государственной власти, отъ которой въ прямую зависимость былъ поставленъ св. Синодъ. Преобразователь Россіи находилъ необходимымъ подчинить своему контролю церковную сферу и кате-

горически рѣшилъ острый когда-то споръ «царства» съ «священствомъ» въ пользу перваго. Организация, данная церковному управленію, какъ нельзя лучше отвѣчала такимъ цѣлямъ. Назначаемые верховною властью по ея личному усмотрѣнію, не имѣющіе никакихъ гарантій неприкосновенности, синодальные члены должны были невольно стать послушными орудіями правительственной политики. Они не имѣли опоры въ Церкви, какъ выборные представители церковнаго общества, и потому не чувствовали той необходимой независимости, которая обезпечивала бы въ нужныхъ случаяхъ свободу голоса. — Государственные люди времени имп. Анны наследовали это положеніе вещей уже готовымъ и только воспользовались имъ. Твердо держась церковно-политическихъ взглядовъ Петра Великаго, они примѣняли ихъ неуклонно. Измѣненія въ положеніи Св. Синода, какъ и всякаго *государственнаго учрежденія*, совершались легко и незамѣтно; таково было и его подчиненіе Кабинету. Неудивительно нисколько и униженіе церковнаго правительства. Вправдѣ ли мы ожидать самостоятельности и стойкой защиты интересовъ Церкви отъ лицъ, которые могли тотчасъ же сойти со сцены въ случаѣ протеста противъ правительственныхъ намѣреній? Безмолвіе Синода при видѣ низлагаемыхъ и опозоренныхъ епископовъ, его покорность Теофану Прокоповичу, его «непротивленіе злу» при видѣ опустошаемыхъ церквей и монастырей, пытаемыхъ священниковъ и монаховъ—все это не можетъ возбуждать удивленія при тѣхъ условіяхъ, въ какія былъ поставленъ духовный коллегіумъ твердой рукой Преобразователя.

Отъ той же петровской эпохи ведутъ свое начало и тѣ условія, которыя давали пищу политическому террору аннинскаго времени. Великій государь не питалъ довѣрія къ церковной іерархіи; этимъ недоовѣріемъ дышетъ вся его церковная политика. Со стороны Петра подобное отношеніе понятно. Онъ не встрѣтилъ въ церковной средѣ, за немногими исключениями, сочувствія своимъ преобразованіямъ. Напротивъ, изъ нея шелъ и открытый и тайный протестъ противъ всякихъ новшествъ, нарушавшихъ старый укладъ жизни. Въ удобную минуту духовенство довольно плотно примкнуло къ старорусской партіи, тяготѣвшей къ царевичу Алексѣю Петровичу. Епископы были опорой несбывшихся надеждъ несчастнаго царевича. Видя непріязненное отношеніе къ своему дѣлу въ іерархіи, Петръ, естественно, смотрѣлъ на нее недоовѣрчиво.

Церковная среда была въ его глазахъ консервативнымъ элементомъ, такимъ же тормазомъ на новомъ пути Россіи, какимъ казался ему собственный сыгъ. Потому-то онъ и постарался обезопасить свое дѣло отъ ея противодѣйствія, поставивъ церковную власть подъ непосредственный надзоръ и руководство правительственной власти. Государственные люди 30-хъ годовъ XVIII ст. воспитались уже въ подобной атмосферѣ. Задавшись цѣлью поддерживать петровскую церковную политику, правительство имп. Анны должно было и на церковную іерархію смотрѣть глазами Преобразователя, такъ какъ жизнь еще не успѣла сгладить жившее въ церковной средѣ недовольство. Молчаливый протестъ и глухой ропотъ этой среды встрѣчали мѣропріятія въ духѣ Петровомъ. Обстоятельства начала царствованія императрицы: подозрѣніе въ несочувствіи ея воцаренію, навшее на духовенство, въ связи съ замысломъ верховниковъ, обострили старое недовѣріе государственной власти къ церкви; а созданное реформой положеніе послѣдней давало полную возможность суровому правительству жестоко расправляться съ людьми, заподозрѣнными въ политической неблагонадежности, какой бы высокій іерархической постъ они ни занимали.

Вмѣстѣ съ недовѣріемъ, породившимъ политическій терроръ, аннинское правительство въ своей церковной политикѣ рѣзко обнаружило тотъ характерный взглядъ на духовенство, который мѣтко обрисованъ однимъ проповѣдникомъ Елизаветинскаго царствованія въ сказанныхъ по поводу нѣмецкаго правительства словахъ: «весь обще чинъ духовный равно съ простымъ пародомъ вмѣняли и почитали; ни единого въ немъ посвященія и характеру пастырскаго не признавали». Исходя изъ такого убѣжденія, правительство видѣло въ лицахъ священнаго сана простыхъ чиновниковъ, исправляющихъ церковныя обязанности. Священный характеръ пастырскаго служенія не существовалъ въ глазахъ власти и не встрѣчалъ у нея необходимаго уваженія; пастыри предъ нею были служителями дѣла человѣческаго, а не дѣла Божія. Отсюда рождалась опрометчивая политика, совершенно роющая нравственный авторитетъ священства въ глазахъ паствы. Въд трудно, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ послѣдней, чтобы она относилась съ надлежащимъ уваженіемъ къ священному сану, когда носители его на глазахъ у всѣхъ исполняли роли сторожей, посыльныхъ, подвергались безнаказанно оскорбленіямъ,

мѣняли крестъ на ружье солдата, вмѣсто ризъ надѣвали кандалы колодниковъ и отъ алтаря влеклись въ застѣнокъ. И это «непризнаваніе характера пастырскаго» за духовенствомъ ведетъ свое начало издавека, преимущественно же отъ принциповъ петровской церковной политики. Какъ ни было приижено духовенство по своему положенію въ до-петровской Руси, тамъ оно все-таки не третировалось наравнѣ съ народомъ до такой степени, какъ въ законодательствѣ начала XVIII вѣка. Строго проведенная Петромъ государственная точка зрѣнія на церковные интересы поставила духовное сословіе вполнѣ на одну доску съ сословіемъ тяглымъ. Въ стремленіи извлечь практическую пользу для государства отъ Церкви, государственная власть совсѣмъ не принимала во вниманіе особаго характера пастырскаго служенія. Она палагала на священнослужителей такія повинности, примѣняла къ монашеству такія мѣры, которыя совсѣмъ были несомвѣстимы съ ихъ положеніемъ. Таковы, на примѣръ, полицейскія обязанности духовенства, таково переполненіе монастырей военщиной. Жестоко-недовѣрчивое отношеніе въ церковной сферѣ, просвѣчивающее въ регламентѣ, конечно, также не могло поддерживать авторитетъ священства. Поэтому, когда Амвросій Юшкевичъ говоритъ о министрахъ имп. Анны, что они въ чинѣ духовномъ «ни единого посвященія и характеру пастырскаго не признавали», то это обвиненіе должно падать на всю политику, которую проводили министры государыни, но которая не отъ нихъ ведетъ свое начало.

Въ общемъ строѣ церковно-государственныхъ отношеній имѣеть, наконецъ, свой источникъ тотъ выдающійся бюрократическій характеръ, какимъ отличается церковная политика аннинскаго правительства. Последнее обнаружилось въ своихъ мѣропріятіяхъ полное незнакомство съ жизнью, которую оно намѣревалось преобразовать, полное незнапіе и нежеланіе знать дѣйствительное состояніе, нужды и средства той среды, которую оно хотѣло руководить. Отсюда многочисленные указы и распоряженія, другъ друга парализующіе, неисполнимые по своей беспочвенности, какъ-то: требованіе удовлетворить церкви и укомплектовать полки изъ состава духовнаго сословія, опредѣлять ученыхъ священниковъ, которыхъ не существовало, поднять монашескій бытъ, деморализуемый правительственными же мѣропріятіями, создать всюду семинаріи, въ которыхъ учить некому и которыя содержать нечѣмъ. Безплод-

ность благихъ намѣреній, приводимыхъ въ жизнь путемъ бюрократической организаціи, составляетъ вполне естественное явленіе, и если античное царствованіе, «много разрушивъ, почти ничего не создало въ дѣлѣ церковнаго благоустройства, то мы этому не удивляемся. Но бюрократическій характеръ правительственныхъ мѣропріятій со всей ихъ неудачностью истекалъ не изъ чего иного, какъ изъ того положенія, въ какое стала государственная власть по отношенію къ церковной со времени реформы Петра Великаго. Свѣтское правительство того времени взяло на себя высшее руководство церковной жизнью, отодвинувъ на задній планъ ея естественныхъ руководителей. вмѣсто того, чтобы создать условія для возрожденія жизненныхъ силъ церковнаго общества, предоставить Церкви развиваться и исправлять недочеты своего строя путемъ свободной самодѣятельности, государственная власть въ лицѣ Петра Великаго взяла на себя задачу «исправленія нестроеной духовнаго чина». При естественномъ незнакомствѣ ея съ церковной средой, недостаточномъ пониманіи нуждъ и интересовъ Церкви, указанная церковно-государственная отношенія были особенно благопріятной почвой для развитія недостатковъ бюрократическаго управленія. Перемѣнами въ высшемъ управленіи Церковью Преобразователь обезпечилъ и на будущее время бюрократическій характеръ церковной политики.—Министры имп. Анны, по своему иностранному происхожденію, были особенно далеки отъ интересовъ русской церковной дѣйствительности. Поэтому ихъ дѣятельность по церковнымъ вопросамъ должна была носить на себѣ заключительныя слѣды своего бюрократическаго происхожденія. Этимъ объясняется и неудача ихъ важныхъ начинаній, какъ, на примѣръ, спекуляризаціи церковныхъ имѣній, и печальные для Церкви результаты мѣръ, предпринятыхъ совсѣмъ безъ намѣренія вредить церковнымъ интересамъ, каковы были разгромъ блага духовенства.

Такимъ образомъ, всѣ характеристическія черты церковной политики правительства 30-хъ гг. XVIII вѣка имѣютъ свои глубокіе корни въ прошломъ. Церковно-государственныя отношенія того времени, приведшія къ грустной и мрачной картинѣ разстройства церковной жизни и политическаго террора,—не слѣдствіе случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣло личностей, а плодъ прошлой исторической жизни, прежде установившихся церковно-государственныхъ отношеній, опредѣлив-

шагося церковно-политическаго курса. Если вообще въ историческомъ процессѣ не столько имѣютъ значенія лица, сколько учрежденія, то въ нашемъ случаѣ мы убѣждаемся въ этомъ лишній разъ. Какъ ни рельефно выступаетъ на страницахъ русской церковной исторіи мрачными тѣнями аннинское царствованіе, оно гораздо тѣснѣе связано съ цѣлымъ, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Ни Остерманъ, ни другіе ничего не передѣлывали, не замѣняли старыхъ началъ новыми, не вели чисто личной политики. Они дѣйствовали всецѣло въ сферѣ и путемъ не ими созданныхъ отношеній и установленій. Послѣднія давали имъ силу и опредѣляли ихъ дѣятельность. Духовные дѣти петровской политики, они продолжали ее, пользуясь режимомъ и институтами, окончательно сложившимися въ эпоху великаго государя. И если бы исторія имѣла намѣреніе произнести свой судъ надъ церковной политикой аннинскаго правительства, то это былъ бы судъ не надъ политической программой государственныхъ людей того времени, а надъ политическими принципами, ими унаслѣдованными, и учрежденіями, воплотившими эти принципы.

Б. Титлиновъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки